

РЕПРЕССИИ В ОТНОШЕНИИ УЧЕНЫХ В СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ В 1930-Е ГОДЫ

© 2008 А.В.Сюков

Самарский государственный университет

Статья посвящена анализу политических репрессий против научной интеллигенции в Среднем Поволжье в 1930-е годы. Выявлены основные формы и методы репрессивной политики в отношении ученых. Рассмотрены важнейшие судебные дела против научных работников в Среднем Поволжье.

1930-е годы – сложный период в истории научной интеллигенции в СССР, когда власть стремилась подчинить себе научное сообщество. Недоверие к ученым постоянно подчеркивалось в выступлениях государственных и партийных деятелей и документах различного характера на протяжении всего периода [1, Л. 50 – 57.]. На практике же это приводило к массовым чисткам научных учреждений и увольнениям многих ученых в начале 1930-х годов в связи с социальным происхождением и их политической позицией [2, Л. 34.], а затем и к арестам значительной их части. Становилась нормой фабрикация различных "союзов научных работников", созданных для проведения контрреволюционной борьбы с советской властью.

Первым и самым крупным делом 1930-х годов на территории Среднего Поволжья, направленным в отношении научной интеллигенции, было дело Волжской контрреволюционной организации "Трудовая крестьянская партия" (ТКП), которое шло параллельно с делом А.В.Чаянова и Н.Д.Кондратьева в Москве. По обвинению в членстве в этой организации были арестованы в 1930 году десятки подозреваемых. По профессиональной принадлежности члены организации являлись в большинстве своем научными работниками в области сельского хозяйства. Из научных учреждений наиболее пострадали Безенчукская опытная станция и Самарский сельскохозяйственный институт, которые были крупнейшими научными центрами в области сельского хозяйства в Среднем Поволжье. На Безенчукской опытной станции привлекли по этому делу большинство ведущих научных работников, основная масса которых были "старыми беспартийными специалистами, начавшими трудовую деятельность еще до революции": С.М.Тулайков,

К.Ю.Чехович, Г.В.Иванов, Д.М.Щукин, М.И.Ожарко, Д.А.Бомбин, И.И.Ишаков, В.Н.Харчиков, С.А.Добровидов [3, Л. 270 – 278]. В сельскохозяйственном институте также пострадали многие преподаватели, в том числе профессора Г.А.Студенский, Г.И.Баскин.

Многие из участников данной организации принимали активное участие в политической жизни страны еще до революции. Так, известный экономист Г.И.Баскин и последний председатель Самарского общества археологии, истории, этнографии и естествознания В.П.Арапов, обвиненные по этому делу, являлись лидерами партии народных социалистов в регионе и депутатами Государственной Думы. Это были известные ученые, пользовавшиеся большим авторитетом в научной среде.

По материалам следствия, данная организация возникла в середине 1920-х годов и функционировала в Самаре, Оренбурге, Пензе, Безенчуке [5, Л. 46]. При этом, В.П.Арапов, арестованный как руководитель Самарского филиала "Трудовой крестьянской партии", подчеркивал, что "рассматривать нашу группу, как вполне оформленное объединение, и, тем более, как политическую партию с определенной, ясно сформулированной программой, с определенно очерченными задачами было бы совершенно не правильно. Она представляла собой конгломерат различных мнений и взглядов и объединяла вокруг себя лиц, диапазон политических взглядов которых чрезвычайно широк" [5, Л. 91.]. Это был "блок различных политических течений: народников, неонародников, социалистов-революционеров, меньшевиков" [5, Л.113]. Единственным исключением являлись "монархисты и церковники разных толков, как сила явно реакционная" [5, Л.92].

Однако, по мнению Г.И.Баскина, "всех членов организации связывало известное

единство воззрений, сводившееся к необходимости изменения существующего политического режима на буржуазно-демократический. Возможность такого перерождения мыслилась в форме постепенного перерождения Советской власти путем углубления и расширения НЭПа" [4, Л. 329]. С.М.Тулайков говорил, что "сущность объединяющей аграрных научных работников платформы заключалась в том, что мы не воспринимали и отрицали диктатуру рабочего класса с его коммунистическими идеалами и социально-экономическую политику Советской власти, считая необходимым развитие капиталистических отношений, что, в конечном счете, привело бы страну к капиталистической реставрации и тем самым изменило пролетарский характер Советского государства" [3, Л.4].

Члены организации по иному смотрели на пути развития сельского хозяйства. Они считали, что его прогресс обеспечивается капиталистическим путем развития и что двигателем сельскохозяйственного прогресса является крепкое, высокотоварное крестьянское хозяйство, а потому отрицательно относились к социальной перестройке сельского хозяйства, не верили в возможность и осуществимость взятых темпов социалистического переустройства, и саму возможность восстановления хозяйства этим путем [3, Л. 4].

Тяжело воспринимали арестованные ученые и политику власти в отношении интеллигенции. В.П.Арапов писал: "Политическое и общественное положение беспартийного спеца складывалось не лучше чем до революции; он оставался тем же бесправным служащим, полугражданином, взятым на подозрение, только вместо дворянско-помещичьей верушки хозяином у него оказался пролетариат... Политические свободы, о которых грезила интеллигенция при полицейском режиме, которые она считала столь необходимыми, оказались и в условиях пролетариата только мечтой. Зато отношение к интеллигенции стало не лучше, а, пожалуй, даже хуже, чем раньше" [5, Л. 124].

Об этом говорил и другой арестованный по этому делу – К.Н.Шатов: "Разумная часть интеллигенции понимала, что на Советской службе не могло быть тех привилегий и преимуществ, которыми интеллигенция пользовалась при старом режиме, но она считала

справедливым, чтобы её положение на службе государства ограждалось хотя бы какими-нибудь правовыми нормами, чтобы её правовое положение было не хуже положения лиц физического труда. Между тем в этом направлении ничего не было. Интеллигенция, пошедшая на работу Советской власти, целиком попала в категорию "служащий", по отношению к которому власть начальства, в сущности, беспредельна. Против несправедливости, как бы очевидна она ни была, служащий никакой действительной защиты не находит. Интеллигент на советской службе если лично и не становится жертвой произвола, то всё-таки всегда должен был помнить, что такой жертвой он может стать в любую минуту, что он ежедневно и ежечасно может быть лишен куска хлеба. На такую же бесправность, на такую же возможность интеллигент наткнулся и в частной жизни" [4, Л. 46].

Следствие выявило два периода деятельности организации. По показаниям С.М.Тулайкова, тактика организации "до 1928 года заключалась в усилении развития мелкокапиталистических (кулацких) элементов деревни, возрастающая политическая сила которых могла бы заставить Советскую власть пойти на уступки. Впоследствии, начиная с 1928 года твердо взятый и проводимый партией и Советской властью курс на ликвидацию остатков капиталистических отношений в деревне ясно показал, что достижение нашей цели выполнимо лишь путем вооруженного свержения Советской власти" [3, Л. 6 об.]

Следствие по делу Волжской контрреволюционной организации "Трудовая крестьянская партия" продолжалось около года. В результате десятки человек были оправлены в тюрьму, высланы в другие регионы или уволено из научных учреждений. Многие из тех ученых, что были арестованы по этому делу, погибли от болезней в лагерях. В частности, в 1933 году погиб С.М.Тулайков, который на протяжении 15 лет являлся директором Безенчукской опытной станции – одного из наиболее крупных и старых научных учреждений в области сельского хозяйства не только в Поволжье, но и в СССР. От ареста его не спасли ни научные заслуги, ни заступничество брата, который был вице-президентом Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук (ВАСХНИЛ) и главным соратником Н.И.Ва-

вилова. Часть из осужденных вышли на свободу в середине 1930-х годов, но их арестовали в 1937 году по новому делу. В результате расстреляли Г.И.Баскина, В.П.Арапова [6].

Однако материалы следствия не дают полной картины событий. Нельзя понять степень организованности данной организации, так как единственным источником являются материалы следствия, в ходе которого менялись показания арестованных ученых. К концу следствия большинство подозреваемых признало попытку свержения советской власти военным путем, для чего создали "особую комиссию, которой было присвоено название военной", но каких-либо четких показаний по этому поводу ни один из них не смог дать. Причем, подозреваемые подчеркивали, что "деятельность военной комиссии, как и всей контрреволюционной организации никакого практического эффекта не дала и ни в каком реальном действии не выразилась" [4, Л. 334 об.]. Они постоянно подчеркивали отсутствие у них практических действий по свержению власти, ограничиваясь несогласием с проводимой политикой в области теории. Арестованные, признавая негативное своё отношение к проводимой политике власти, не считали себя виновными в какой-либо вредительской деятельности. Г.И.Баскин подчеркивал, что "поставленный мне вопрос о том, в каком преступлении я считаю себя виновным, представляется мне чрезвычайно странным и по форме и по существу. Я не знаю за собой никакого сознательного проступка, который можно было бы рассматривать как преступление. Во всех своих действиях я не знаю ни одного, которое было бы направлено во вред Советской власти, препятствовало бы осуществлению социализма немеченым ей и партией ВКП(б) путем. Не могу же я считать преступлением, что я будучи далек от специально-политических проблем, не сразу целиком воспринял принятое ВКП(б) направление, а сделал это после ряда колебаний" [5, Л.20]. Другой обвиняемый Г.А.Студенский подчеркивал, что считал свои научные взгляды "лежащими в области легальности", оставаясь при этом на "советской платформе", так как они публично высказывались в печати и докладах и были поддержаны среди многих представителей таких государственных учреждений, как Госплан, Наркомзем и другие [5, Л.20].

Наряду с учеными-аграрниками серьезно пострадали краеведы Среднего Поволжья. Так, 1-й секретарь Средневожского крайкома ВКП (б) М.М.Хатаевич в докладе на объединенном пленуме обкома и областной контрольной комиссии ВКП(б) еще в декабре 1928 года обращал внимание на "работу общества археологов и музея в г. Самаре, музея краеведения в г. Пензе, где собралась контрреволюционная антисоветская гниль, которая использует эти организации, будто бы советские, для того, чтобы группировать свои силы, чтобы вести свою работу определенно направленную против нас" [7]. В итоге в ходе проверки рабоче-крестьянской инспекцией были уволены как "идеологически чуждые современным требованиям в области научных знаний и общественной жизни" многие видные краеведы [8. Л. 88]. Кроме того значительная часть краеведов также была привлечена по делу Волжской контрреволюционной организации "Трудовая крестьянская партия".

Другой крупный процесс, в ходе которого пострадали десятки преподавателей и студентов, был так называемый процесс фашистской контрреволюционной "Народно-коммунистической партии". В основном, жертвы этого процесса – работники индустриального института и комвуза [9. Л. 10 – 15].

В 1938 году в Среднем Поволжье начался новый крупный процесс, жертвами которого стали руководители обкома и облисполкома, а также многие ученые, в основном преподаватели социально-политических наук. Примечательно, что жертвами этого дела стали не представители старой научной интеллигенции, негативно относившиеся к Советской власти, а ученые-коммунисты. Более всего пострадали представители планового института: заместитель директора по учебной и научной работе В.А.Фаддеев, заведующий кафедрой политической экономии А.А.Пуреховский, доцент кафедры экономики и техники сельского хозяйства Т.И.Альмов, заведующий кафедрой математики А.А.Ермеков; уволили многих видных ученых [10].

Всеим этим процессам придавалось широкое общественное звучание. Они обсуждались в печати. Жертвы осуждались на различного рода собраниях и митингах, которые происходили в общегородском масштабе либо в тех научных учреждениях, работники кото-

рых привлекались по судебному процессу. На них выступали научные работники с осуждением своих коллег, подвергалась критике их предшествующая работа. Но некоторые ученые, в особенности представители старшего поколения, отказывались, что зачастую расценивалось как поддержка арестованных и могло служить поводом для ареста.

Представители научной интеллигенции пострадали не только в ходе массовых кампаний, но и в результате единичных арестов. Чаще всего, поводом для репрессий служили обвинения не в реально совершенных преступлениях, а критическое отношение к действительности, высказывания о недостатках политики партии и критика вождей партии. Причем, еще в конце 1920-х годов власть в принципе позволяла умеренную критику. Так, известный биолог А.А.Любищев, работавший в Самаре в конце 1920-х годов, отмечал, что в этот период позволялось вести споры на различные политические темы довольно свободно; издавались и различные работы, в которых подвергались сомнению определенные положения марксизма [11, Л.11 – 12]. А уже в 1930-е годы совершенно безобидная критика, зачастую направленная не против власти, а на решение конкретных проблем, причислялась к контрреволюционной деятельности. Поводом для репрессий служили также социальное происхождение, служба в белой армии, связь с осужденными коллегами, родство с иностранными гражданами. Зачастую во многих вузах и научно-исследовательских институтах разворачивалась борьба с "вредительством" после ареста их руководителей. После этого от нового руководства и парторганизации требовалось найти подтверждение их "преступной" деятельности, разоблачить пособников и заняться искоренением последствий. По такой схеме разворачивались события в сельскохозяйственном, плановом институте. Прежнее руководство обвинялось в засоренности института политически ненадежными людьми, отсутствии актуальных тем, отрыве от производства, развале материальной базы [1, Л. 7].

Репрессии выражались не только в крайне жестоких формах (расстрел, тюрьма, ссылка). Широкое распространение получили другие формы наказания. Кроме арестов часто применялись увольнения ученых с работы без права заниматься научной деятельностью, что

для многих из них являлось личной трагедией. Кроме того, от работы могли быть отстранены и члены семей. Многие после череды арестов в научном учреждении вынуждены были сами увольняться, чтобы избежать репрессий за связь с "врагами народа". Так, на Безенчукской опытной станции после ареста целого ряда руководящих работников и ученых только за пять месяцев с сентября 1937 года по март 1938 года из-за "чрезвычайно напряженной атмосферы" уволились по "личному желанию" 8 человек [12, С.235.].

Среди использовавшихся мер наказания особенно распространенными были такие, как исключение из партии, что для некоторых групп советской интеллигенции с прочными коммунистическими убеждениями превращалось в личную трагедию. Так, академик П.Н.Константинов сильно переживал в связи с исключением его из группы сочувствующих. Он отмечал в письме в обком ВКП(б) "несправедливость этого решения" и подчеркивал, что его "поражают и огорчают совершенно неожиданные обвинения" [1, Л. 27 – 34]. Обличительные статьи в прессе и критика со стороны партийной организации также крайне тяжело воспринимались учеными.

Но в основе своей репрессии в отношении ученых не имели под собой хоть каких-либо оснований, являясь во многих случаях результатом необоснованных доносов коллег по работе. Даже отчеты НКВД характеризовали "политическое настроение в научной среде как устойчивое, так как массовых эксцессов и организованных выступлений не зафиксировано. Отмечались лишь случаи отдельных антисоветских выпадов, выраженных в форме резкой антисоветской критики, антисоветских разговоров" [13, Л.108].

Аресты, ссылки, увольнения являлись важными не только в силу прямого репрессивного воздействия, но и потому, что вынуждали многих ученых проявлять внешнюю лояльность власти, скрывая свои взгляды и сокращая круг лиц, с которыми можно было разделить свою критику проводимой политики или откровенно обменяться взглядами.

На протяжении 1930-х годов менялся характер репрессий. Если в начале 1930-х годов репрессии направлялись в отношении представителей "буржуазной" научной интеллигенции, к которой власть относилась крайне

настороженно и недоверчиво, то в конце 1930-х годов они приняли массовый характер. Жертвами репрессивной политики стали широкие слои научных работников, в том числе и многочисленные представители "новой" интеллигенции, которые были лояльны власти. Причем, в ходе репрессий пострадали как высший руководящий состав научных учреждений и известные ученые, так и молодые научные работники, только начавшие научную деятельность.

Превращение науки в арену идеологической борьбы, направленной против плодотворно работавших ученых, привело к массовой замене профессионально грамотных научных кадров научно-исследовательских институтах и высших учебных заведениях менее квалифицированными работниками, многие из которых не имели представлений об исследовательской работе. Особо тяжело это отразилось в Среднем Поволжье, где и без того наблюдался большой дефицит в высококвалифицированных научных работниках. Такой же процесс наблюдался в партийных и государственных органах, ведавших наукой. Всё это привело к серьезным негативным последствиям для советской науки, значительно снизив темпы её развития.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Самарский областной государственный архив социально-политической истории (СОГАСПИ). Ф. 656. Оп 29. Д. 114.
2. СОГАСПИ. Ф. 1141. Оп. 7. Д. 10.
3. Архив ФСБ по Самарской области. Д. П – 88.44. Т. 1.
4. Архив ФСБ по Самарской области. Д. П – 88.44. Т. 2.
5. Архив ФСБ по Самарской области. Д. П – 88.44. Т. 3.
6. Архив ФСБ по Самарской области. Д. П – 67.15.
7. Трудовая правда. – №285. – 1928.
8. Государственный архив Пензенской области (ГА-ПО). Ф. Р – 315. Оп. 1. Д. 3. Л.88.
9. СОГАСПИ. Ф. 1315. Оп. 1. Д. 13.
10. Архив ФСБ по Самарской области. Д.П-65.85, Д.П – 65.88.
11. *Любичев А.А.* Переезд в Самару // Ульяновский краеведческий музей. Личный фонд А.А.Любичева.
12. *Бомбин Д.А.* Краткий обзор научно-производственной деятельности Безенчукской сельскохозяйственной опытной станции за 1903 – 1945 годы. – Безенчук: 1978.
13. Государственный архив новейшей истории Ульяновской области (ГАНИУО). Ф.13. Оп. 1. Д. 1189.

REPRESSIONS AGAINST SCIENTISTS IN THE MIDDLE VOLGA REGION IN 1930S

©2008 A.V.Syukov

Samara State University

The article is devoted to the analysis of political repressions against scientific intelligentsia in the Middle Volga region in 1930s. Basic forms and methods of repressive politics towards scientists are revealed. Major legal cases against the scientists in the Middle Volga region are examined.